

Место трактата *De Continentia* в корпусе сочинений Аврелия Августина

Ильина Александра Сергеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: asm.fon.bis@gmail.com

Трактат «О воздержании» (*De Continentia*) занимает совершенно особое место в корпусе сочинений Августина, посвященным вопросам «сексуальности» [5]. Он написан в жанре проповеди [7], и в этой проповеди Августин, зачастую используя метафоры, показывает, какую роль играет воздержание в процессе спасения человеческой души.

Так, используя библейскую метафору «внутренних уст» (*os cordis interius*), Августин показывает, что воздержание — это сила, которая оберегает уста сердца от согласия на совершение порочного поступка. Стоит отметить, что это не единственный текст, в котором Августин прибегает к метафорам внутреннего человека. В «Исповеди» («*Confessiones*») Августин пишет об «ушах сердца» (*ures cordis*) [Conf. I.I.5]. К схожей метафоре Августин прибегает, толкуя Пс. 125: «*Habemus autem intus os, id est in corde, unde quidquid procedit, si malum est, inquinat nos; si bonum est, mundat nos*» («Ведь есть у нас уста внутри, то есть в сердце, откуда все и исходит: если плохое, то оно оскверняет нас, а если благое, то очищает нас») [En. in Psalm., 125.5][9].

Воздержание понимается как добродетель, которая даётся человеку Богом по благодати; как добродетель, необходимая для смыкания внутренних уст, освобождения от всякого порока. Это очень важный аспект теории Августина, который считал, что порочность, свойственная человеческой природе после падения, закрывает для человека возможность быть добродетельным «сообразно человеческому». Тот, — считает Августин, — кто полагается в этой борьбе только на себя, греховен, поскольку следует гордыне. Лишь Бог, создавший человека, может сделать так, чтобы он очистился. Августин выражает это в ёмкой формуле: «*Non enim sumus sub lege bonum quidem iubente, non tamen dante, sed sumus sub gratia, quae id quod lex iubet faciens nos amare potest liberis imperare*» («Ведь мы не под законом, который повелевает добро, но не дает его, а под благодатью, которая, давая нам возможность возлюбить то, что повелевает закон, правит над свободными») [De Cont. III.8].

Но здесь возникает вопрос: «А откуда берёт корни порочность, которая не даёт человеку быть добродетельным по своей воле? Неужели существует зло как субстанция, от которой происходит всякий порок?» Эта позиция — позиция манихейского дуализма Света и Тьмы — оказывается «под прицелом» критики Августина во второй части трактата, начиная с восемнадцатой главы. Августин последовательно показывает, что позиция манихейского дуализма ошибочна, поскольку опирается на ложную посылку о том, что болезнь (порочность) заслужила природа, а не вина.

Именно эта последовательная критика была причиной того, что эту проповедь о воздержании стали считать ранней. Так, в литературе часто трактат «*De Continentia*» датируют 395-398 годами. В хронологическом указателе к сочинениям Августина, составленном А.А. Столяровым, «О воздержании» датируется 395-396 годами, как и трактаты «О лжи», «О ратоборстве христианском» [1]. Однако мы можем предложить ряд контраргументов, показывающих, что этот трактат скорее стоит отнести к поздним работам Августина.

Первый аргумент, которая предложила в своем фундаментальном труде «Исследования хронологии Августина» Анна-Мария Ла Боннардьер [8], заключается в том, что

Августин ссылается в «De Continentia» на фрагменты из Посланий апостола Павла и Евангелия от Матфея, на которые он не ссылался вплоть до 412 года. Среди таких мы можем выделить Рим. 14:23, Евр. 5:14, Мф. 6:12.

Второй аргумент предложил Дэвид Хантер в своей статье «Дата и цель ‘De Continentia’ Августина» [7]. Обратившись к корпусу писем Августина и его «Пересмотрам», Хантер установил, что трактат «De Continentia» упоминается в данном корпусе всего один раз: в письме к Дарию. Дарий был императорским уполномоченным, который отправился в Африку с целью подавления сепаратистского восстания Бонифация. Из первого письма Августина к Дарию мы узнаем, что Августин узнал о нравственных качествах Дария от своих братьев-епископов, Урбана и Новата [3]. В том же письме он посоветовал Дарию разрешить дело малой кровью, а также спросил, приплыли ли Дарию по душе его сочинения [2]. Во втором письме Августина, которое в коллекции идёт вслед за письмом Дария, Августин пишет о том, что выслал ему копию «Confessiones», а также пяти других произведений, среди которых мы можем видеть и «De Continentia»: «Misi et alios libros quos non petisti, ne hoc tantummodo facerem quod petisti; de Fide rerum quae non videntur, de Patientia, de Continentia, de Providentia, et unum grandem de Fide et Spe et Caritate» («Я послал и другие книги, которых вы не просили, а потому сделал больше, чем вы просили; я послал ‘Вера в вещи, которые не видимы’, ‘О терпении’, ‘О воздержании’, ‘О провидении’ и одну большую книгу, ‘Вера, надежда и милосердие’») [Ер. 231]. Хантер установил, что перечисление, которое приводит Августин, составлено в хронологическом порядке. Трактат «De Patientia», который идёт вторым в списке, обычно датируют 417 годом. Следовательно, сочинение «De Continentia» не могло быть написано ранее этого времени. Сам Хантер считает, что этот аргумент едва ли можно назвать последним и единственным, но он определенно заслуживает внимания.

Третий аргумент в пользу поздней датировки касается самого содержания трактата и целевой логичности такой атрибуции. Дело в том, что элементы антиманихейской полемики возникают в позднем трактате Августина не случайно. Пелагиане, в том числе Юлиан, обвиняли Августина в манихейском дуализме, и это была настоящая причина, по которой Августину вдруг потребовалось обратиться здесь снова к манихейскому вопросу. Выбранный сюжет трактата, ход раскрытия мысли Августина показывают, что в проповеди он, в сущности, обращается к проблемам в том виде, в каком они появляются у Августина только после «О разных вопросах к Симпликиану».

Таким образом, проповедь «De Continentia» скорее всего является поздним текстом Августина и, — в отличие от того, как об этом писала Элизабет Кларк, — не просто антиманихейским [6]. Логика изложения, цитаты из Священного Писания, цель написания трактата, метафорические образы, которые использует Августин для иллюстрации своей позиции показывают, что этот трактат мог сформироваться — и скорее всего сформировался — уже в результате антипелагианской полемики, а не антиманихейской, в которой тоже было место для обсуждения проблемы блага, но скорее в теолого-космологическом, а не антропологическом ключе.

Источники и литература

- 1) Хронологический список сочинений Августина в соотношении с основными изданиями // Августин. Исповедь / Подгот. А. А. Столяров. М., 1997. С. 453-460.
- 2) Augustine A. Letters 211 - 270, 1* - 29* / trans. R. Teske, S.J., ed. B. Ramsey. New York, 2005.
- 3) Brown P. Augustine of Hippo, A biography. California, 1967.
- 4) Brown P. The Body and Society: Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988.

- 5) Clark E.A. «Adam's Only Companion»: Augustine and the Early Christian Debate on Marriage // *Recherches Augustiniennes*, XXI, 1986, P. 139-162.
- 6) Clark E.A. *St. Augustine on Marriage and Sexuality*. Washington, 1996.
- 7) Harvey D. The Date and Purpose of Augustine's *De continentia* // *Augustinian Studies*, 26-2, 1995, P. 7-24.
- 8) la Bonnardière A.-M. *Recherches de chronologie augustiniennne*. Paris, 1965.
- 9) S. Aurelii Augustini Opera Omnia: <http://www.augustinus.it/latino/index.htm>